

Книга как жанр: средневековая традиция в русской прозе XX века (В.П. Астафьев, Ф.А. Абрамов)

Рассмотрен феномен «мышления книгами», возникший еще в словесном творчестве средневековой Руси и получивший распространение в русской литературе XX в., однако мало исследованный. Особое внимание уделено формированию жанра книги у таких писателей-деревенщиков, как В.П. Астафьев («Последний поклон», «Царь-рыба», «Затеси») и Ф.А. Абрамов («Чистая книга»). В основе исследования — положения медиевистики, а также концепции современных теоретиков жанра и историков новейшей русской литературы. Дано определение «книги» как специфического метажанра; отмечена диалектика жанров в литературном процессе второй половины XX в. Описаны процессы формирования книги-сборника, связанные с объединением отдельных текстовых элементов через циклизацию в сверхжанровое единство. Показано, как свободная форма книги, состоящей из глав-рассказов, обеспечивает творческую свободу автору и позволяет в средневековом духе дописывать исходный вариант, дополняя его все новыми текстами. Обосновано положение о книге как о повествовании, состоящем из внешне разрозненных, но циклически соединенных глав, частей. Это становящийся, движущийся вместе с исторической реальностью метажанр. Сделан вывод о продуктивности жанра книги в деревенской прозе как ведущем литературном направлении второй половины XX в. и указано на продолжение сложившейся традиции в современной русской прозе.

Ключевые слова: жанр/метажанр, книга, жанровая традиция, литература русского Средневековья, деревенская проза, В. Астафьев, Ф. Абрамов.

The author aims to observe the phenomenon of “thinking by books” which has been born in the verbal creativity of Medieval Russia and promoted in Russian literature of the XX century but has been little studied yet. A special attention is paid to the formation of the book genre by such writers as V.P. Astafyev (“The Last Bow”, “The King-Fish”, “Zatesi”) and F.A. Abramov (“The Pure Book”). To fulfill the tasks set, the author relies on both the provisions of medieval studies and the concepts of genre theorists and historians of modern Russian literature. Definition of “book” as a specific meta-genre; dialectics of the novel and book genres is considered. A special attention is paid to the processes of formation of the “book” by uniting text elements into a super-genre unity. The author shows how the free form of the “book”, consisting of chapters and stories, provides creative freedom to the author and allows, in the medieval spirit, to expand the original version adding new and new texts to it. The article substantiates the position of the “book” as a narrative consisting of seemingly separate, but cyclically connected chapters and parts. This is a meta-genre that is becoming and moving along with historical reality. In conclusion the author of the article draws a conclusion about the productivity of genre of the book in the Village prose as a leading literary direction of the second half of the twentieth century and marks a continuation of this tradition in contemporary Russian prose.

Keywords: genre / meta-genre, book, genre tradition, Russian literature of the Middle Ages, Village prose, Astafyev, Abramov.

«Русской литературе тысяча лет, и развитие ее было непрерывным и подчиняющимся собственным закономерностям», — отмечал Д.С. Лихачёв и его единомышленники в статье «Тысячелетие русской литературы» (1979). Исследователи обращали особое внимание на средневековую традицию в литературе Нового и Новейшего времени: на «древнерусский слой», который «выявляется постепенно, по мере того, как мы изучаем общее направление развития русской литературы на всем ее протяжении. Это слой, который мы могли бы назвать “древнерусским субстратом” новой русской литературы. Формы и значения этого субстрата мощны и разнообразны. <...> Это и ее патриотизм, исконно и органически соединяющийся с уважением к другим народам, большим и малым. Это и связь с трудовым народом, с крестьянской культурой, которая столь характерна и для современной литературы, особенно в ее так называемой “деревенской прозе”»¹ [1. С. 12–13].

Прошло почти полвека, но изучение подобных «длительностей» все еще нуждается в поиске новых подходов — «точек зрения, сопоставление которых дало бы возможность приблизиться к пониманию той сложной системы, которую являет собой литература XX в. ... тех метаязыков,

¹ Здесь и далее в цитатах курсив мой. — А. Б.

которые могли бы адекватно ее описать» [2. С. 9]. По определению метаязык — это сверхязык, включающий в себя универсальные смыслы и обеспечивающий целостность системы, которую он формирует. Именно метаязыки создают единое пространство культуры. Их составляющие — концепты, архетипы, *метажанры* и прочие универсалии — обретают именование в литературе, определяя ее развитие.

Попытаемся взглянуть с этой точки зрения на творчество классиков деревенской прозы XX в. в контексте тысячелетнего движения русской словесности. В ракурсе средневековой² жанровой традиции, поскольку жанр определяет не только особенности поэтики (отдельного автора, литературы в целом), но и вхождение произведений в русло той или иной «длинной линии» литературного развития.

Понимая под средневековой жанровой традицией претворение той или иной жанровой модели в литературе последующих периодов, отметим востребованность летописного начала в деревенской прозе. К примеру, в повести В. Лихоносова «Осень в Тамани» оно обнаруживает себя на интертекстуальном уровне — через взаимодействие фрагментов из «Повести временных лет» с текстом современного автора. Развитие средневекового жанра хроники происходит у В. Белова в «Канунах. Романах-хронике 20-х годов», «Годе великого перелома: Хронике начала 30-х годов» и «Часе шестом. Хронике 1932 года». Популярный в Средневековье жанр видения своеобразно претворяется в «Видениях» В. Астафьева.

Наиболее исследованный аспект в абрамоведении, шукшинистике, распутиноведении — агиографическая традиция. В целом, однако, вопрос еще мало изучен. В восполнение исследовательской лакуны опубликованы работы о литературной традиции русского Средневековья в деревенской прозе XX в. (см., напр.: [3]). Во избежание самоповтора сосредоточимся в настоящей статье лишь на аспекте, который нуждается в более широком освещении: на традиции, относящей современного читателя к специфическому жанру литературы средневековой Руси — *метажанру книги*.

Пойдем, как говорится, от противного, обратившись к жанровой лакуне, парадоксально соединяющей средневековую словесность с деревенской прозой XX в. Освоение русской литературой излюбленной европейской формы — романа — проходит нулевую фазу в первичном периоде — словесном творчестве XI–XVII вв. Бурное развитие романа в отечественной классике XIX–XX вв., казалось бы, манифестирует разворот к обратному. Тем не менее в деревенской прозе давняя ситуация повторяется. Хотя и не полностью. Если в литературе русского Средневековья романские формы вообще отсутствовали, то деревенская проза их не избегает, однако, с другой стороны, и не осваивает в должной мере.

Творчество старейшего «деревенщика» Ф. Абрамова, у которого именно роман (тетралогия «Братья и сестры», 1958–1973) стал основным жанром (и в продолжение соцреалистического канона, и в противоборстве с ним), — скорее исключение, чем правило. И сам Абрамов весьма иронично говорил о побудительных причинах такого выбора:

В университете, уже защитив диссертацию... я начал писать свой первый роман «Братья и сестры». Немного смешно сейчас вспоминать, как я думал тогда: вот, мол, я ученый и не могу начинать с малых форм, с рассказов, обязательно должен «потянуть» на роман [4. С. 123].

Попыткой преодоления жанровых норм стала опубликованная лишь посмертно, в 1998 г., незавершенная «Чистая книга» Ф. Абрамова (1959–1983). Несмотря на стремление автора и критики назвать ее «романом», отметим сверхжанровость именованного, зафиксированного в самом названии и в авторских записках о ней, названных не «К построению романа», но «книги».

² В основе именованного словесного творчества XI–XVII вв. «литературой русского Средневековья» — синонимические ряды Д.С. Лихачёва, называющего эту литературу то «древнерусской», то «средневековой», то просто «русской».

Поиск ответа на вопрос о размытости романной модели у В. Астафьева, В. Белова или ее отсутствии у В. Распутина и Е. Носова обращает нас к специфике деревенской прозы, представляющей собой межродовую сплав лирики и эпоса, поэзии и истории. Лирико-эпическая природа данного направления, очевидно, и обусловила недостаточное освоение «чистых» романских форм. Функцию их замены и взяла на себя «книга»: нередко это сборник, повествование, состоящее из внешне разрозненных, но циклически соединенных глав, частей. Сходным образом в средневековой литературе «содержательная связность» подобной книги включала в себя довольно разнообразный «тематический и жанровый состав — это и послания, и “слово”, и “толкование”, и вирши, и житие», отмечает А.С. Дёмин в характеристике одного рукописного сборника XVII в. [5. С. 424]. Объединяет все эти фрагменты авторский пафос, эмоциональная оценка жесткой политики властей: «Весь сборник пронизывают мотивы людских наказаний и несчастий, хотя и выраженные с разной настойчивостью в переписанных произведениях» [Там же].

По сути, перед нами становящийся, движущийся вместе с исторической реальностью *мета-жанр*, в деревенской прозе объединяющий в себе менее объемные жанры — от рассказа и повести до миниатюры, эссе, заметки и пр. Причем «книга» берет на себя и функции романного обновления: преодоление «литературности», обращение к истории и действительности. И это закономерно. Хотя «роман шире, чем повествование, поскольку включает в себя не только “рассказ”, не только повествовательные разделы... но, в свою очередь, *повествование шире, чем роман*, поскольку стремится слиться в цельную и единую объективность действительности, в ее целостный образ» [6. С. 337–338].

Создание подобного «целостного образа» в словесном творчестве русского Средневековья во многом определялось деятельностью читателя, выступавшего составителем новых книг-сборников, переписчиком и чуть ли не соавтором первичного создателя текста, лицо которого было анонимно скрыто от всех, чтобы не уподобляться Всевышнему Создателю мира сего. Многие претексты были открыты для изменений и дополнений, вносимых в них переписчиками-составителями.

Эти особенности, казалось бы свойственные лишь литературе на первичной стадии развития, своеобразно проявились в деревенской прозе XX в., замыкавшей целую эпоху рукописной русской книги и обращенной, в противовес господствовавшей тогда идеологии, к первоистокам национальной культуры. Сходная открытость структуры, к примеру, определила творческий почерк В. Астафьева, о чем свидетельствует и его литературная практика, и размышления о «свободной форме книги», «раздвижении “ограды” книги». Внутреннее единство этой сверхжанровой структуры, как и в средневековых образцах, обеспечивалось некими «скрепами», повторяющимися элементами: мотивами, событиями, переживаниями, «сквозными» образами. Подобно средневековым книжникам, такие писатели, как Астафьев, многократно переписывали свои книги («Последний поклон», «Затеси»), изменяя прежние варианты и дополняя все новыми текстами.

Обозначим эту тенденцию, разнолико проявляющую себя в деревенской прозе XX в., как «*мышление книгами*» — по аналогии с забытыми, кажется, средневековыми образцами, объединявшими тексты разных жанров и разных авторов. Однако собственно термин «книга» и его содержание нуждаются в дополнительном уточнении — в восстановлении тех смыслов, которые вкладывались в это именование в период становления нашей словесности. Напомним высказывание о высоком значении книги в «Повести временных лет»: «Велика бо бывает полза от *ученья книжного; книгами бо кажеми и учими есмы пути покаяню, мудрость бо обрътаемъ и въздержанье отъ словесъ книжныхъ. Се бо суть рькы, напаяюще вселеную, се суть исходяща мудрости; книгамъ бо есть неищетная глубина...*» [7. С. 166].

В нынешней «науке о книге» данный термин во многом перешел в сферу книговедения как из-учения издательского и библиотечного дела. Однако в некоторых исследованиях проявляется

значение, более соответствующее средневековой традиции книжников. Так, И.А. Силаева, анализируя современные представления о книге в диссертации «Развитие книжной культуры Сибири конца XVI — XVII веков», отмечает, что «отдельные составляющие определения “книжное дело”, такие как творческая деятельность, направленная на “познание книги” (по В.И. Гульчинскому), или превращение в произведение литературы, музыки, изобразительного искусства как форм общественного сознания коммуникационных систем (по А.А. Беловицкой), являются соответствующими XVII столетию, отражая связь книг с духовной культурой исследуемого периода» [8. С. 7].

Об этой высокой связи свидетельствует культура книги, сформированная в средневековой Руси, и именование просвещенного человека «книжником». Недаром многотомное издание Пушкинского Дома получило название «Словарь книжности и книжников Древней Руси», а в Средневековье труды русских книжников, составлявших специальные библиографии, именовались «Индексы истинных книг».

Обратим внимание на прибавление в средневековых образцах особых эпитетов к «книге»: «истинная» или «ложная» книга в зависимости от подлинности ее содержания, соответствия христианским нормам. Порою эпитет создавался по имени святого отца, например «Кириллова книга» («Книга иже во святых отца нашего Кирилла, архиепископа Иеросалимского, на осьмый век»), где впервые был опубликован индекс истинных и ложных книг для установления норм чтения. Иногда эпитет призван был выделить особую книгу из ряда других. Например, лицевой летописный свод Ивана Грозного «Царственная книга» («Царь-книга»), созданный специально для царской библиотеки в единственном экземпляре. Смысловой эпитет появлялся и в таких загадочных средневековых артефактах, как «Голубиная книга» (т.е. глубинная, исполненная глубоких смыслов).

Очевидно, в новейшей литературе эту традицию продолжает «Чистая книга» Ф. Абрамова, сходная с предшествующими образцами по своему именованию, но главное — по идеальной устремленности жанровой модели. Это предсмертное идейно-художественное завещание классика, над разгадкой которого до сих пор бьется абрамоведение, пытаясь по доступным текстовым фрагментам реконструировать авторский замысел.

Зададимся все-таки вопросом: представляет ли собой «книга» в художественной литературе особый жанр, или это лишь специфический артефакт? По определению жанр есть форма литературного мышления. Особость «книги» состоит в ее большой объемности и отдельности от остальных жанров, которые могут входить в ее состав. Это наиболее «твердая», константная форма литературного творчества: обеспечивающий текстовую целостность метажанр, определение и изучение которого, впрочем, еще трудно дается исследователям. И это неудивительно. Как отмечает теоретик литературы М.В. Заваркина,

одна из главных проблем жанрологии — терминологическая. Среди определений жанра есть слишком «размытые»... но есть определения, конкретизирующие функцию, которую жанр выполняет в тексте, — функцию создания художественной целостности [9. С. 7–8].

Очевидно, определение «книги» как сверхжанрового единства, или метажанра, соответствует этой функции. Ведь и в средневековой, и в нынешней литературе «книга» сопрягает разнообразные в жанровом плане тексты, которые (нередко посредством циклизации внешне разрозненных частей) объединяются в некое целое. В результате, по признанию медиевистики, и рождается новая жанровая единица (см.: [10. С. 47]). Выделяя сборник как «основную книгу русского Средневековья», одна из ведущих исследовательниц в этой области И.М. Грицевская свидетельствует об «усилившемся интересе медиевистов к средневековым русским сборникам как к особой проблематике и области изучения» и даже о появлении «особого термина для области филологии, изучающей средневековые русские сборники, — “мисцелланология”» [11. С. 3]. Для определения своего предмета мисцелланология использует варианты «макроструктура», «гипертекст», «макроборник» [Там же. С. 5, 34, 41], восполняя терминологические ряды метаязыков литературы,

в которые по логике входит и обобщающее именование книги — «метажанр». Терминологический поиск, имеющий место и в настоящей статье, вполне оправдан: по утверждению специалистов, «обозначение книги просто как “сборника” малоинформативно» [Там же. С. 9].

В новой и новейшей литературе подобные макроструктуры имеют отчетливо авторское лицо: нередко их объединяет «сквозной» образ автора-повествователя. Путь к сверхжанровому единству прокладывается и через циклическое объединение лирико-философских миниатюр, заметок, записей вокруг авторского «я». Такие книги-сборники — «Затеси» В. Астафьева, «Крохотки» А. Солженицына, «Камешки на ладони» В. Солоухина — могут беспрерывно расти, пополняться новыми (вначале отдельно публикуемыми) произведениями, т.е. рождаться на наших глазах (как и «Последний поклон» Астафьева). К примеру, за 30 лет астафьевские «Затеси» увеличились почти втрое: с 238 стр. (издание 1972 г.) до 544-х в собрании сочинений (1997–1998) и до 687 стр. в посмертном, наиболее полном, издании (2003).

Рассмотрим «книгу одной жизни» В. Астафьева «Последний поклон», которая создавалась на протяжении всего творческого пути писателя и вобрала в себя не только его жизнь и судьбу, но и историю страны и народа, распада крестьянской цивилизации. Потому в астафьеведении закрепилось именование «книга жизни», отсылающее к библейским источникам. Согласно Библии, в «книге жизни» записаны все деяния человека, и добрые, и плохие, и хранятся они в сей книге до Страшного суда. Соотносится с библейским именованием и название «Последний поклон», вызывающее в культурной памяти ассоциации с библейской идеей завершения земных сроков человечества в Судный день. «И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими» [12].

Жанровое обозначение «Последнего поклона» самим автором колеблется от «повести» до «повести в рассказах». Отметим, что многолетнее нарастание общего объема «Последнего поклона» привело к тому, что автор стал делить его на меньшие «книги» как своеобразные блоки общей макроструктуры. Несоответствие среднего («повесть») и большого («книга», входящая в состав «повести») жанров, казалось бы, очевидно. В итоге в собрании сочинений 1997–1998 гг. зафиксировано именование «повесть в рассказах», в состав которой входят три книги. Очевидно, здесь проявляется исходный закон построения таких макроструктур: «...сборники строились из блоков и циклов везде и всегда в Древней Руси» [11. С. 8]. С другой стороны, можно назвать «Последний поклон» и макросборником по аналогии: в «древнерусской книжности существовал целый ряд сборников, предполагавших включение других сборников». Притом «каждая из этих частей могла существовать и развиваться как отдельно, так и в составе “макросборников”» [Там же. С. 34–35], подобно первой книге «Последнего поклона», поначалу существовавшей отдельно, а потом вошедшей в трехкнижную структуру [13. Т. IV–V].

С точки зрения средневековой традиции, однако, есть оправдание и выбору жанрового обозначения автором. Тем самым он относит читателя к таким книгам, как «Повесть временных лет», создававшаяся на протяжении XI в. и к началу XII в. вместившая в себя историю человечества с древних времен и историю Руси в ее движении к христианству. Напомним и то, что жанр повести в литературе русского Средневековья был одним из наиболее востребованных, однако границы его оставались весьма размытыми: как правило, он соединялся в рамках одного произведения с другими (житиями, сказаниями, летописями, хрониками). Тем не менее в современном жанровом пространстве более точно обозначение, данное Астафьевым в «Царь-рыбе», но в высшей степени уместное для «Последнего поклона», — «повествование в рассказах».

Открытость повествования в бесконечность, будучи недостатком в романах «деревенщиков» (в частности, в романе «Прокляты и убиты» с отсутствием концовки), здесь становится достоинством. В духе средневековых рукописных книг-сборников с их исторически разомкнутой структурой на наших глазах создается «книга жизни» как живое повествование о самом сокровенном,

наболевшем, памятном. Характерно, что Астафьев, опубликовав еще в 1967 г. давший название всей книге рассказ «Последний поклон», в 1992 г. (в т. III незавершенного издания собрания сочинений в шести томах) снимает с этой главы, заключавшей всю книгу в предыдущих изданиях, функцию окончательности и в полном собрании сочинений 1997–1998 гг. продолжает ее тремя поздними главами («Кончина», «Забубенная головушка», «Вечерние раздумья»).

В «Примечаниях автора к “Последнему поклону”» Астафьев так объясняет установку на незавершенность:

И осталось мне как будто написать «последнюю» главу, но жизнь все время подбрасывает «дрова» в костер, материал все накапливается и накапливается, и уложусь ли я в одну главу – не знаю, когда книгу закончу – не ведаю. *Свободная форма книги*, состоящей из глав-рассказов или коротких повестей, дает возможность пополнять книгу «на ходу», раздвигая «ограду» книги, вставлять главы в любое место и печатать их отдельно в отдельных изданиях. Так, глава «Где-то гремит война» включается как повесть в книги разных издательств и в коллективные сборники [14. Т. III. С. 462].

Раздвижение в средневековом духе общей «ограды» книги происходило не только за счет добавления новых глав, но и их циклизации в отдельные книги-блоки. В первом книжном издании «Последнего поклона» (1968) он назван повестью и состоит из 15 глав. Примечательно, что перемещение в 1990-х заглавного рассказа в конец книги не сказалось на ее начале: во всех изданиях «Последний поклон» открывается «Далекой и близкой сказкой», за которой следуют рассказы о детстве, составившие первую книгу повествования. Если первое издание (1968) и состоит только из этой книги, то в четырехтомнике (1980) «Последний поклон» уже контрастно разделен на две книги: о детстве и отрочестве, юности повествователя, а в отдельном издании 1989 г. и полном собрании сочинений 1997–1998 гг. (в 15 т.) включает в себя три книги: о радостном просветленном детстве; о детских испытаниях и беспризорном отрочестве (городские главы); о военной юности, послевоенной жизни. Если в 1968 г. книга детства включала в себя повесть «Где-то гремит война», рассказ «Последний поклон» и др., то в дальнейшем (в изданиях 1989, 1992, 1997 гг.) она состоит фиксированно из одних и тех же 12 глав-рассказов (без повести) и завершается «Бабушкиным праздником» — мажорным аккордом, итоговым в циклизации светлых картин деревенского детства.

Вторая книга контрастна по сравнению с первой и представляет собой цепь испытаний героя, включая эпизоды из бездомной жизни сироты в заполярной Игарке. В собраниях сочинений 1992 и 1997 гг. вторая книга уже представлена в виде сложившегося цикла из девяти глав — от «Гори, гори ясно» (переходная глава о подготовке к взрослой жизни в деревенских играх) до трагичной «Без приюта». В 1989–1997 гг. складывается третья книга повествования, куда наряду с главами, составившими в 1968 г. единый цикл «Последнего поклона» (повестью «Где-то гремит война», рассказом «Последний поклон»), вошли и главы, помещенные во вторую книгу в четырехтомнике 1980 г. («Сорока», «Приворотное зелье», «Пир после победы»). В целом в 1997 г. третью книгу составили 11 глав, начиная с «Предчувствия холода» (1988) и завершая «Вечерними раздумьями» (1991). Ее главы-рассказы, включая и повесть «Где-то гремит война», имеют двойную датировку: первичный год написания и 1988-й — год последней редакции.

Гибкость в циклизации, подвижность повествовательных элементов дают основание для вывода о возникновении особого жанрового приема — открытости внутренней формы книги (в том числе открытости концовок) и ее циклической структуры в целом. Эта открытость становится возможной, главное, благодаря лирико-философскому началу, сосредоточенному в «сквозном» образе автора-повествователя, автобиографическом «я» писателя (Витя Потылицын с детских лет и до глубокой зрелости). Авторское самосознание выступает как *сверхжанровое*, сопрягая в *циклическое единство* отдельные эпизоды автобиографии, картины былого, лица и события прошлого. *Историю* страны в XX в., запечатленную в памяти повествователя, пропущенную через его душу живу...

И у романиста Ф. Абрамова замысел «чистого жанра» конкретизирован как «книга». Перед нами предсмертные поиски автором тетралогии о селе Пекашине некоей идеальной жанровой формы, граничащей с *Книгой Бытия* или *средневековым житием*:

Лишь в *житиях* святых святым удастся постигнуть язык тварей и зверей, трав. Чистому надо быть как младшие братья, ребенком быть, чтобы постигнуть язык трав и бессловесной твари. В искусстве кто это постиг?.. А в слове? [15. С. 219].

Поиск максимальной чистоты слова, жанра сопряжен у Абрамова с идеей нравственного усовершенствования на уровне и собственного авторского «я», и «народного читателя». Явно эта мысль звучит в архивных записях, опубликованных спустя более 20 лет после написания. Так, в записи от 17 июня 1978 г. отмечается «вера в народе в книгу, в печатное слово»:

«Чистая книга» дается только чистому. Она доступна, открывается только тому, кто достигает определенной нравственной чистоты. И, значит, путь к «Чистой книге» — частная жизнь, добрые поступки, самовоспитание, самосовершенствование [Там же. С. 194].

Нереализация абрамовского замысла, однако, закономерна. Авторский поиск «чистой» формы был внелитературен по своей устремленности к сфере сугубой этики, религиозной сути слова. Поэтому произошла идеализация жанра («чистая книга» вместо задуманного романа-эпопеи о России) и героини, словно выведенной автором за пределы обычной человеческой жизни, истории. Главная героиня «Чистой книги» — старушка-странница Махонька, святая, праведница, и язычница, и христианка «вне обычных человеческих измерений; в ней соединилось настоящее с прошлым, жизнь с вымыслом, земное с духовным» [Там же. С. 228].

Конечно, о многом теперь приходится лишь гадать. Ясно одно: на излете деревенской прозы «Чистая книга» предстает как проекция возможного движения русской литературы, как высокий метажанровый замысел, но не воплощение: план, структура, потрясающая, впрочем, своей масштабностью. Вспомним абрамовское пояснение «К построению книги»: «Все взять крупно, с охватом страны» [Там же. С. 228]. По замыслу, «Чистая книга» должна была состоять из трех-четырёх книг, охватывающих события от революции 1905 г. до репрессий 1937 г.; действие должно было разворачиваться на Севере, на Пинежье (месте ссыльных, участников революции 1905 г.), и вмещать в себя все народные типы. Принцип всеохватности соблюдался не только в образе автора, выразителя мировоззрения эпопейного масштаба, но и в лейтмотиве поискового состояния России в исторических переломах первой половины XX в.

Жанровым поискам деревенской прозы, продолжавшей средневековую традицию «мышления книгами», отвечает модификация литературных форм в современной литературе: книга, повествование вместо романа. В русле этой традиции, например, написано «Голомяное пламя» лауреата Абрамовской премии 2020 г. Дмитрия Новикова. Это тоже вовсе не роман, а *книга*, основанная в духе средневековых сборников на циклизации внешне разрозненных эссе, миниатюр, рассказов, соединенных, однако (уже в стиле нового времени), повторяющимися образами автора-повествователя и героев-персонажей. Новиков даже вводит в свою книгу, фрагменты которой переносят нас в разные периоды XX в. и в Средневековье, тексты на древнерусском языке. Среди лучших современных книг, единство которых обеспечивается циклизацией, можно назвать «Казненный колокол» Б. Евсеева о войне в Донбассе. Примечательно, что жанр самим автором обозначен в астафьевском духе: «повествование в рассказах».

Так, в исторической ретроперспективе перед нами возникает прообраз рожденного еще в далеком Средневековье метажанра, который, как «Последний поклон» Астафьева, названный им своей «заветной книгой», может создаваться автором всю творческую жизнь, дополняться новыми компонентами и при всей материальной конкретности формы быть потенциально бесконечным, как бесконечна сама материя Бытия.

Литература

1. Дмитриев Л.А., Лихачёв Д.С., Творогов О.В. Тысячелетие русской литературы // Русская литература. 1979. № 1. С. 3–13.
2. Голубков М.М. Русская литература XX века: учеб. пособие для академического бакалавриата. 3-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2017.
3. Большакова А.Ю. Средневековая традиция в прозе В.П. Астафьева // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 1. С. 342–366.
4. Абрамов Ф.А. Душа и слово. Размышления о литературе, об искусстве, о слове и творчестве, о призвании и роли художника, о судьбе страны, народа и человека: статьи, выступления, беседы, интервью, заметки / сост. и авт. вступ. Л.В. Крутикова-Абрамова. Архангельск: Лоция, 2020.
5. Дёмин А.С. Историческая семантика средств и форм древнерусской литературы (источниковедческие очерки). М.: Издательский дом ЯСК, 2019.
6. Михайлов А.В. Роман и стиль // Теория литературы. Т. III: Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении). М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 279–352.
7. Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII вв. / сост. Л.А. Дмитриев, Д.С. Лихачёв: в 12 вып. М.: Художественная литература, 1978. Т. 1.
8. Силаева И.А. Развитие книжной культуры Сибири конца XVI — XVII веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул: АГУ, 2010.
9. Заваркина М.В. Жанр как категория поэтики (проблемы, тенденции, перспективы) // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 1. С. 7–35.
10. Бахтина О.Н. О жанрообразующей роли циклизации в древнерусской литературе // Проблемы метода и жанра: сб. науч. ст. Томск: Изд-во ТГУ, 1989. Вып. 15. С. 46–57.
11. Грицевская И.М. Чтение и четьи сборники в литературной культуре русских монастырей XV–XVII вв.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск: Изд-во ТГУ, 2013.
12. Откровение Святого Иоанна Богослова. URL: <https://bible.by/syn/66/20/>.
13. Астафьев В.П. Собрание сочинений: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997–1998.
14. Астафьев В.П. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Молодая гвардия, 1992.
15. Абрамов Ф.А. Чистая книга: сборник / сост. У.И. Тропичева, О.В. Кононова. Архангельск: Лоция, 2015.

References

1. Dmitriev L.A., Likhachev D.S., Tvorogov O.V. Tysiacheletie russkoi literatury // Russkaia literatura. 1979. No. 1. S. 3–13.
2. Golubkov M.M. Russkaia literatura XX veka: ucheb. posobie dlia akademicheskogo bakalavriata. 3-e izd., ispr. i dop. Moscow: Iurait, 2017.
3. Bolshakova A.Yu. Srednevekovaia traditsiia v proze V.P. Astafeva // Problemy istoricheskoi poetiki. 2020. T. 18. No. 1. S. 342–366.
4. Abramov F.A. Dusha i slovo. Razmyshleniia o literature, ob iskusstve, o slove i tvorchestve, o prizvanii i roli khudozhnika, o sud'be strany, naroda i cheloveka: stat'i, vystupleniia, besedy, interv'iu, zametki / sost. i avt. vstup. L.V. Krutikova-Abramova. Arkhangel'sk: Lotsiia, 2020.
5. Demin A.S. Istoricheskaia semantika sredstv i form drevnerusskoi literatury (istochnikovedcheskie ocherki). Moscow: Izdatel'skii dom IaSK, 2019.
6. Mikhailov A.V. Roman i stil' // Teoriia literatury. T. III: Rody i zhanry (osnovnye problemy v istoricheskom osveshchenii). Moscow: IMLI RAN, 2003. S. 279–352.
7. Povest' vremennykh let // Pamiatniki literatury Drevnei Rusi. XI — nachalo XII vv. / sost. L.A. Dmitriev, D.S. Likhachev: v 12 vyp. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1978. T. 1.
8. Silaeva I.A. Razvitie knizhnoi kul'tury Sibiri kontsa XVI–XVII vekov: avtoref. dis.... kand. filol. nauk. Barnaul: AGU, 2010.
9. Zavarkina M.V. Zhanr kak kategoriia poetiki (problemy, tendentsii, perspektivy) // Problemy istoricheskoi poetiki. 2020. T. 18. No. 1. S. 7–35.
10. Bakhtina O.N. O zhanroobrazuiushchei roli tsiklizatsii v drevnerusskoi literature // Problemy metoda i zhanra: sb. nauch. st. Tomsk: Izd-vo TGU, 1989. Vyp. 15. S. 46–57.
11. Gritsevskaia I.M. Chtenie i chet'i sborniki v literaturnoi kul'ture russkikh monastyrei XV–XVII vv.: avtoref. dis. ...d-ra filol. nauk. Tomsk: Izd-vo TGU, 2013.
12. Otkrovenie Sviatogo Ioanna Bogoslova. URL: <https://bible.by/syn/66/20/>.
13. Astafev V.P. Sobranie sochinenii: v 15 t. Krasnoyarsk: Ofset, 1997–1998.
14. Astafev V.P. Sobranie sochinenii: v 6 t. Moscow: Molodaya gvardiya, 1992.
15. Abramov F.A. Chistaia kniga: sbornik / sost. U.I. Tropicheva, O.V. Kononova. Arkhangel'sk: Lotsiia, 2015.



Большакова Алла Юрьевна,

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН

Bolshakova Alla Yu.,

Doctor of Philology, Leading Researcher
Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

e-mail: allabolshakova@mail.ru

